

В. ЖИРМУНСКИЙ

К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой

Поскольку синтаксические формы определяют собой характер композиции лирических стихотворений, они нередко являются особенно показательным признаком стиля. Для романтической, песенной лирики русских символистов характерно употребление анафорического параллелизма, придающего всему стихотворению однообразно-поступательное движение — как бы «литании», построенной на эмоциональном нарастании, усилении, нагнетании лирического чувства (ср.: «Композиция лирических стихотворений». 1921. С. 21 сл. и др.). В этом смысле, как я уже отмечал в другом месте, союз «и», объединяющий последовательные ритмико-синтаксические ряды, выражает постепенное нарастание эмоционального волнения в стихотворении, рассчитанном прежде всего на «песенное» воздействие. Ср. у Блока:

...И коварнее северной ночи
И хмельней золотого Аи
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои.
И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада
Эта горькая страсть, как полынь...

Ср. также построение баллады Брюсова «Раб» («Валерий Брюсов и наследие Пушкина», 36) или «Незнакомки» А. Блока («Композиция лирических стихотворений», 22 сл.).

Иной характер имеет синтаксическая композиция у А. Ахматовой. Анафора и синтаксические повторения не играют существенной роли в построении ее стихотворений. Напротив, Ахматова охотно прибегает к логическим формам сочинения и

подчинения: к противопоставлению (союзы «а», «но»), ограничению («лишь», «только»), к установлению отношений логической зависимости, выражаемых предложениями условными («если»), причинными («оттого»), целевыми («чтобы») и т. д. Напр.: «лишь смех в глазах его спокойных», «лишь голос твой поет в моих стихах», «только ставши лебедем надменным, изменился серый лебеденок», «только это — западня, где ни радости, ни света», «если ты еще со мной побудешь», «и если в дверь мою ты постучишь», «оттого мы любим строгий, многоводный, темный город» «оттого что — это любовь», «чтобы нас рассудили потомки», «чтоб выпустить птицу — мою тоску», «чтоб тот, кто спокоен в своем доме» и т. д. Следует отметить, что указанные формы подчинения в лирической поэзии вообще не очень обычны и воспринимаются как признак речи прозаической, разговорной, а между тем в стиле Ахматовой они играют существенную роль. Особенно часто встречается союз «а» — в «Четках» 36 случаев: «а на жизнь мою лучом нетленным грусть легла, и голос мой незвонок», «а скорбных скрипок голоса поют за стелющимся дымом», «а в груди моей уже не слышно трепетания стрекоз», «а взгляды его, как лучи» и мн. др. (особенно часто — в форме неожиданной концовки, замыкающей стихотворение).

Ряд примеров, характеризующих «логический синтаксис» Ахматовой, был указан мною в книге «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (стр. 100, прим. 12). Б. М. Эйхенбаум («Анна Ахматова», стр. 39) подхватил и дополнил мои наблюдения над этими синтаксическими формами, но ограничился при этом простым перечислением соответствующих союзов. Между тем для анализа поэтического стиля недостаточно простого описания тех грамматических форм, которые встречаются у данного поэта, хотя бы более часто, чем у других. Для стилистики существенно не столько перечисление языковых категорий, сколько выяснение их художественной функции в определенной системе стилевого единства (см. выше «Задачи поэтики». С. 52). Говоря о «логическом синтаксисе» Ахматовой, противоположном «эмоциональному», «романтическому» синтаксису символистов, я именно имел в виду эти вопросы стиля.

В. В. Виноградов («О поэзии Анны Ахматовой». 1925. С. 24) возражает против применения к Ахматовой термина «логический синтаксис», усматривая за формами «логизованной речи» — «необычность смысловой связи», «семантические несоответствия и скачки». И я, с своей стороны, отмечая неожиданное для эпохи символизма проникновение в творчество Ах-

матовой рациональной стихии, логических формул и отношений, не отрицаю того, что за ними нередко скрывается «эмоциональный парадокс» (термин К. В. Мочульского). Напр.:

Солнце комнату наполнило
 Пылью желтой и сквозной.
 Я проснулась и припомнила:
 Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
 Даль за окнами светла.
Оттого и я, бессонная,
 Как причастница, спала.

«Логическая» композиция стихотворения определяется причинно-следственным отношением между двумя строфами («оттого»): установление этой связи является главной темой стихотворения. Характерна также логическая антитеза: «даль светла... и оснеженная» (т. е. «*даже* оснеженная»), «и я бессонная (т. е. «*даже* я»)... спала как причастница». Но за «логическим» отношением скрывается эмоциональный парадокс: причина указывается мнимая с точки зрения объективной связи вещей, она существует только для любящей женщины (такое «оттого» — пример «женской логики»). При этом, благодаря эмфатическому повторению слова «оттого» и синтаксическому параллелизму, утверждение, заключающееся в последней строфе, приобретает особую эмоциональную выразительность: формы логические вступают в своеобразное сочетание с формами эмоциональными. Точно так же употребление союза «а» в случаях мнимого логического противопоставления выражает неожиданный, капризный поворот мысли. Ср. напр.:

О, как сердце мое тоскует!
 Не смертного ль часа жду?
 А та, что сейчас танцует,
 Непременно будет в аду.

Или:

И я стану — Христос помоги —
 На покров этот светлый и ломкий.
 А ты письма мои береги,
 Чтобы нас рассудили потомки...

Тем не менее, логические формы синтаксической связи, как основа композиционного оформления, свидетельствуют о проникновении в поэзию Ахматовой чуждой эпохе символизма рациональной стихии. Определяя собой композиционную схему

лирического стихотворения, они нередко придают его движению характер развертывания мысли, а не нарастания и падения эмоционального напряжения, как в романтическую эпоху. Наблюдения над историей текста стихотворений А. Блока подтверждают эти соображения (см. выше). В этом смысле позволительно говорить о «логическом синтаксисе» Ахматовой, несмотря на возражения В. В. Виноградова.

